2017-07-21 **Специальный репортаж "Мы ненужные люди"**

{mp4-flvremote width="500"}http://st.rline.tv/upload/iblock/bbe/my_nenuzhnye_lyudiw854h480.mp4{/mp4-flvremote}

Митинги против разработки в Прихопёрье медно-никелевых руд начались в мае 2013 года и продолжаются до сих пор, накаляясь раз от раза. Жизнь в этом уголке российского Черноземья уже давно связана с повышенным риском возникновения смертельно опасных заболеваний. Если здешние недра начнёт разрывать горно-обогатительный комбинат, о строительстве которого того и гляди объявит Уральская горно-металлургическая компания, то в этих местах начнётся настоящий ад: с отравленной водой, радиоактивной пылью, массовыми болезнями и неизбежным вымиранием людей — тех, кто не сможет сбежать отсюда куда глаза глядят.

Колодцы в селе Елань-Колено, что в Новохопёрском районе Воронежской области, вроде бы вполне обычные, даже добротные. Зато вода в них совсем не такая. Как говорят в русских сказках: «Не пей той водицы, козлёночком станешь!» С виду она прозрачная, на ощупь прохладная, но содержание в ней тяжёлого металла — таллия, поражающего нервную систему, почки и желудок, в восемь раз превышает допустимую норму. Радиоактивного урана в этой воде больше нормы тоже ровно в восемь раз. Есть в ней и сера, которой быть вообще не должно, если только не использовать её как смертельный яд.

Впрочем, многие местные жители и считают себя приговорёнными к смерти: онкологические заболевания выкашивают одного за другим.

— Мы ненужные люди на нужной земле, — говорит местная жительница, активист Российского общественного движения «Стоп никель» Лилия Ишкова. — Богаты наши недра не только никелем, который готовится разрабатывать здесь Уральская горно-металлургическая компания. Есть и медь, и кобальт. Есть платиноиды и золото.

Даже уран в принципе можно добывать…

Несколько лет назад все эти богатства достались обществу с ограниченной ответственностью «Медногорский медно-серный комбинат», дочернему предприятию холдинга «Уральская горно-металлургическая компания», сокращённо УГМК. Бизнесмены, озабоченные добычей никеля, как водится, обещали принести в регион процветание, не навредив природе и уж тем более людям.

Но жители этому не верят. На то есть причины.

Получив земли сельскохозяйственного назначения над Еланским и Ёлкинским месторождениями никеля, Уральская горно-металлургическая компания, недолго думая, организовала на них разведочные работы. На то, что эти земли аграрного назначения и вести на них геологоразведку нельзя, никто и не посмотрел. Пробурили 230 скважин на глубину более 200 метров, прошив ими шесть водоносных слоёв. И теперь, поднимаясь с большой глубины, радиоактивные рассолы с высоким содержанием йода и брома смешиваются с водой, которую люди используют для питья. Как считает Лилия Ишкова, всплеск онкологических заболеваний в Елань-Колене вызван именно этим.

Впрочем, кроме экологии, есть ещё и экономика. Лоббируя свой проект, представители Уральской горно-металлургической компании обещали не только не навредить экологии, но и создать в районе четыре тысячи новых рабочих мест. С одной стороны, потребность в этом есть. Когда-то в Новохопёрске был молочный завод, перерабатывавший 40 тонн молока в сутки. Действовали деревообрабатывающий комбинат, завод прессовых узлов, продукция которого до объявления политики импортозамещения шла на экспорт, в том числе в Италию и во Францию. Сегодня ничего этого нет. От иных производств остались лишь руины. Так что рабочие места действительно нужны.

Но вот с другой стороны…

— Зачем дурить людям головы? — говорит, как рубит, житель Новохопёрска военный пенсионер Владимир Владимирович Бобров. — Кто может занять рабочее место, если не знает, что делать? У нас нет специалистов для горно-обогатительного комбината! Нет ни геологов, ни шахтёров, ни рудокопов. Есть доярки, но зачем они ГОКу?!

Как оспорить это простое умозаключение?..

Однако губернатор Воронежской области Алексей Гордеев считает иначе. Он уверен, что проект УГМК экономически чрезвычайно выгоден для региона и отпугивать инвесторов от области никак нельзя. Порядка четырёх тысяч рабочих мест (и не важно, что их займут приезжие, а не жители Воронежской области), суммарная зарплата специалистов ГОКа около 6 миллиардов рублей в год, а значит, дополнительные налоги — около 3—4 миллиардов рублей в год. С точки зрения экономики, инвестиций и финансовой отдачи губернатору всё понятно.

Но даже Алексей Гордеев не спорит с тем, что экология всей Воронежской области в связи с реализацией проектов УГМК будет поставлена под удар. И губернатор уверяет, что не примет никаких решений, если их не поддержат жители региона. «Мы не подпишем никакое соглашение с компанией, пока воронежцы не скажут «да» — таковы его собственные слова, сказанные публично, на телекамеру. Вот только прислушаются ли воронежские власти к мнению общественности — и жителей Новохопёрского района, и авторитетных учёных, специалистов в области геологии?

Это пока непонятно.

Изучение месторождений Воронежской области началось ещё в советские годы. Группу учёных тогда возглавлял Николай Михайлович Чернышов, ныне — член Российской академии наук, заведующий кафедрой минералогии, петрографии и геохимии Воронежского государственного университета. Он вспоминает:

— Тогда проанализировали всё: сколько в год будем добывать руды, куда её станем отвозить. Рентабельность просчитали до последней вагонетки…

Что же в итоге? Дальше изучения залежей дело не пошло. Разработку запретил Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. Создавать второй Норильск в центре России, убивая чернозёмные почвы и огромный сельскохозяйственный потенциал региона, он счёл недопустимым.

Ещё совсем недавно Н.М. Чернышов возглавлял Общественный совет по контролю за комплексным освоением никелевых месторождений при Воронежской областной думе. И повторял оппонентам те же аргументы, к которым прислушались государственные деятели советского периода.

— В тамошних породах пять вредных для человека элементов, включая мышьяк и сурьму, — рассказывает учёный. — Когда они вступают во взаимодействие с кислородом, возникают ядовитые вещества, появляется, в частности, оксид мышьяка. Достаточно одной капли на литр воды, и человека, который с этим соприкоснулся, через три часа уже не будет в живых. Поэтому я спрашиваю: что делать с миллионами тонн ядовитых отвалов?

От официальных лиц ответа на свой вопрос Николай Михайлович так и не получил. И сегодня Общественный совет по контролю за комплексным освоением никелевых месторождений возглавляет другой председатель. Под его руководством общественники при Воронежской областной думе ничего опасного в проекте УГМК уже не находят…

Журналисты телеканала «Красная Линия» специально приехали к одной из заброшенных скважин, чтобы посмотреть самим и показать телезрителям, чем оборачивается потребительское обращение с природой во имя чьих-то инвестиций и прибыли.

Активист движения «Стоп никель» Алексей Ишков направляет в сторону скважины дозиметр:

— 66 микрорентген в час! — неподкупный прибор не обманешь.

Между прочим, установленная в России предельно допустимая норма радиационного фона составляет 30 микрорентген в час, то есть её превышение здесь — более чем в два раза. К слову, в СССР установленная норма составляла 12 микрорентген в час, в пять с половиной раз меньше той, что фиксирует дозиметр рядом с одной из заброшенных новохопёрских скважин.

Почему повысили допустимую норму? Может быть, потому, что за годы пресловутых «рыночных реформ» наш народ стал каким-то особенно живучим? Или ненужным? Ненужным тем, кто готов извлекать прибыль любой ценой, независимо от судеб людей?

На этот вопрос каждый отвечает так, как подсказывает ему совесть…

Автор: Юрий Мелитонян